

Научная статья
УДК 325.3
doi: 10.17223/2312461X/42/2

Русская Америка, Русская Калифорния и проблемы типологии колониализма

Алексей Александрович Истомин

*Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия,
alexei.istomin@iea.ras.ru*

Аннотация. Рассматривается место российской колонизации Аляски и Калифорнии в рамках типологии колониализма в Новом Свете, где можно выделить пять типов колониального развития, ареалы которых не совпадают с национально-государственными границами колониальных империй: испаноамериканский «горный», испаноамериканский миссионерский, плантационно-рабовладельческий, тип «белого замещения», субарктический торговый. В Русской Америке представлено два из них: «островная» модель имеет аналогом испанское репартиментно, на материковой Аляске представлен субарктический тип, аналогичный канадскому. Несмотря на генетическую связь колонизации Сибири и Русской Америки, распространение на восток сибирской модели колониализма натолкнулось на экологический и социокультурный барьеры. В Русской Калифорнии (колония Росс, Форт-Росс) формировался особый вариант островной модели, где основанием социальной пирамиды были местные индейцы.

Ключевые слова: Русская Америка, Русская Калифорния, Форт-Росс, российская колонизация, колонизация Сибири, типология колониализма, колонизация Нового Света

Благодарности: публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

Для цитирования: Истомин А.А. Русская Америка, Русская Калифорния и проблемы типологии колониализма // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4. С. 21–44. doi: 10.17223/2312461X/42/2

Original article

doi: 10.17223/2312461X/42/2

Russian America, Russian California, and the Problems of the Typology of Colonialism

Alexei A. Istomin

*Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, alexei.istomin@iea.ras.ru*

Abstract. The article discusses the place of Russian colonization of Alaska and California within the framework of the typology of colonialism in the New World, where five types of colonial development can be distinguished, the areas of which do not coincide with the national-state borders of colonial empires: The Spanish American “mountain” type and its analogues, the Spanish American missionary type, the plantation-slave-owning, the “white substitution” type, and the subarctic trading type. Two of them are represented in Russian America: the “island” model type has a Spanish repartimiento counterpart, and the subarctic type, is represented in mainland Alaska. Despite the genetic connection between the colonization of Siberia and Russian America, the spread of the Siberian model of colonialism to the east ran into ecological and sociocultural barriers. In Russian California (the Ross colony, Fort Ross), a special version of the island model was formed, where the base of the social pyramid was the Native Californians.

Keywords: Russian America, Russian California, Fort Ross, Russian colonization, colonization of Siberia, typology of colonialism, colonization of the New World

Acknowledgments: Published in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Istomin, A. A. (2023) Russian America, Russian California, and the Problems of the Typology of Colonialism. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 21–44. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/42/2

К вопросу о типологии колониализма

Сравнительно-исторический подход к темам колонизации и колониализма, который сегодня преобладает в общественном дискурсе, неизбежно ставит вопросы типологического характера. И первое, что замечает наблюдатель, это национально-государственная принадлежность колонии, которая, как может показаться, и определяет тип. «Каждая нация создавала свой тип колоний», – писал один из первых отечественных исследователей «колониационного вопроса» сибиревед-областник Н.М. Ядринцев (Ядринцев 1892: 701). Действительно, в рамках одной колониальной империи действует единая государственная политика, единая правовая система, движущие силы и ход колонизации зависят от особенностей социального и культурного развития данной конкретной метрополии и т.д.

Однако выявляя наиболее значимые признаки колонизационных процессов и возникающих в ходе этих процессов социальных структур, мы замечаем несовпадение выделяемых нами типов (с их определенными ареалами) и национально-государственных границ колониальных империй (а иногда и внутренних административных границ).

Например, возьмем английскую колонизацию Нового Света, которая с течением времени перерастает в колониальную экспансию независимых США и британского доминиона Канады. Уже на раннем этапе, в XVII в., мы видим формирование на восточном побережье Северной Америки двух, как представляется, различных моделей колониального общества, что лишь отчасти может быть связано с экспортом в XVII в. из одной и той же Англии различных типов социальных отношений – протобуржуазных в Новую Англию, а феодальных – в некоторые колонии, расположенные южнее (Три века колониальной Америки... 1999: 187). Социальный уклад колоний определили не только относительная гетерогенность британской колонизации, но и экологические различия природных поясов – умеренного и субтропического – в которых эта колонизация развертывалась.

На севере, прежде всего в пуританских колониях Новой Англии (умеренный пояс), происходит замещение коренного населения белыми иммигрантами в качестве основной производительной силы – индейцы частично погибают от эпидемий и войн, частично уходят на запад, частично в процессе сложного политического и социокультурного взаимодействия подвергаются аккультурации и социальной маргинализации, сохраняя свою идентичность, но «в положении ограниченного в правах меньшинства» (Александров 2021: 248).

На юге формируется иной социальный уклад – основу экономики составляют плантации, владельцы которых используют рабский труд, выращивая в субтропическом климате высокоприбыльные экспортные культуры. Индейцев здесь тоже постепенно вытесняют и замещают, но этнорасовая структура населения формируется иная, чем на севере: белых сервентов на плантациях сменяют ввезенные из Африки черные рабы. Это не значит, что здесь нет белых фермеров – они весьма многочисленны, но определяющим для местного социального уклада становится господство белых плантаторов над массой чернокожих рабов.

Так возникают американские Север и Юг. Их объединяет вытеснение (замещение) индейцев, которое может показаться общей чертой англо-американской колонизации. Но если мы обратим взгляд на субарктические и арктические территории Северной Америки, то увидим здесь совершенно иную картину. Индейцы и эскимосы продолжают населять обширные пространства тайги и лесотундры, торгуя с англичанами, сосредоточенными в фортах и факториях, которые разбросаны по всей территории будущей канадской Субарктики. Здесь нет подчинения или

замещения коренного населения. То же самое можно сказать и о французской колонизации Субарктики. Во всей Субарктике не только не работает известная формула «Хороший индеец – мертвый индеец» (Ф. Шеридан), но, наоборот, колонизаторы-мехоторговцы заинтересованы в коренных жителях как поставщиках пушнины, даже порой сожалея, что индейцев «слишком мало» (Агранат 1957: 136).

Это особая модель социально-экономических, демографических и ландшафтных изменений, которые и составляют суть колонизации. И решающим в ее возникновении является не политические или культурные, а экономико-экологические факторы.

Ведь все три модели представляют английскую (англоамериканскую) колонизацию. Они связаны с развитием одной и той же метрополии (в определенном европейском и глобальном контексте), но предполагают принципиально различные варианты формирующихся в результате колонизации структур, различные социальные уклады, которые в свою очередь порождают различные, порой непримиримые альтернативы общественного развития, как мы это видим на примере Гражданской войны в США.

При этом в процессе формирования устойчивых общественных структур изначальные политико-правовые особенности британских колоний, впоследствии образовавших США, уступают экономико-экологическому фактору. Так, если «в политико-правовом отношении колонии первоначально разделялись на акционерно-предпринимательские, собственнические (создавались феодальными собственниками) и протестантские» (Согрин 2019: 4), то в процессе дивергенции социальных укладов часть собственнических колоний входит в капиталистический Север, часть смыкается с колониями Юга. При этом «при всех различиях между разными типами, их жители следовали ментально-идеологическим и политико-правовым установкам Англии» (4). Но на базовую социально-экологическую дивергенцию не повлиял ни этот факт, ни присутствие в составе британских колоний бывшей голландской колонии Новые Нидерланды (впоследствии Нью-Йорк, где сохранялось крупное землевладение выходцев из Голландии), а в составе последней – бывшей Новой Швеции с финскими поселенцами.

Так же неоднороден и испанский колониализм – один из самых ранних в Новом Свете, где под этим названием, на наш взгляд, скрываются четыре различных социальных уклада. Первый, наиболее известный, возникает на Антильских островах, но оказывается стабильным и распространяется преимущественно во внутренних гористых районах Америки с плотным индейским сельскохозяйственным населением, имеющим традиции доиспанской государственности (Мезоамерика, Андский регион). Российские историки называют эту зону «ареалом колониального феодализма», система которого явилась «сплавом элементов социальной

организации индейских государств и пиренейских феодальных порядков» (Три века колониальной Америки... 1992: 26). Этот «условно горный» уклад характеризуется сохранением массива коренного населения – завоеванного, подчиненного и эксплуатируемого. Эксплуатация индейцев как основной рабочей массы – основа данного комплекса. Формы, институты и методы этой эксплуатации претерпели значительную историческую эволюцию. Заимствованный из практики Реконкисты феодальный институт энкомьенды (передача населения отвоеванной территории под опеку сеньора) в основном сменяется системой централизованного распределения государством индейской рабочей силы (репартименто в одном из значений этого термина), а та в свою очередь – эволюционирующим в частное крупным землевладением (асьенда) (Три века колониальной Америки... 1992).

Но в Испанской Америке на окраинах представлены и другие модели. На Антильских островах, где впервые применялась энкомьенда, на место исчезающих индейцев ввозятся чернокожие рабы и утверждается уже знакомая нам модель «плантационного» общества. И эта модель здесь сохраняется вне зависимости от того, в чьих руках оказываются те или иные карибские территории – англичан, голландцев или французов. Плантационное хозяйство распространяется в прибрежных зонах многих колониальных владений Испании – Венесуэлы, Перу, Мексики и др. Как и восток Бразилии (владение Португалии), это «ареал плантационного рабства» (Три века колониальной Америки... 1992: 28, 157 сл.).

В периферийных регионах (Парагвай и Калифорния), где имелось относительно плотное индейское население, но отсутствовала традиция повиновения общинников верховной власти царя, утверждается миссионерская система. Индейцев собирают в миссии (в Калифорнии насильственно), где они трудятся под надзором миссионеров того или иного католического ордена (Парагвай – иезуиты, Нижняя Калифорния – доминиканцы, Верхняя Калифорния – францисканцы). Миссионерские системы двух Калифорний и Парагвая типологически родственны.

Наконец, на Южном Конусе, в аргентинских Пампе и Патагонии мы снова обнаруживаем нечто знакомое. Возникающим в XVIII в. на берегах Ла-Платы испаноамериканским скотоводческим хозяйствам «дикие» индейцы не нужны – их вытесняют, частично ассимилируя. Аргентинский «фронтир» уже в начале XIX в. постепенно сдвигается к югу, а затем, во второй половине XIX в., происходит «Завоевание пустыни» – жестокая индейская война в Патагонии с уничтожением коренного населения и экспроприацией его земель, заселяемых белыми иммигрантами со всей Европы. Эта модель практически идентична модели, известной на Севере и Западе США: вытеснение индейцев и их замещение белым населением.

Если же мы взглянем на Русскую Америку, то увидим здесь – при единых государственной политике и субъекте колонизации – две различные модели колониальных отношений: одна (главным образом, на Алеутских островах и Кадьяке) с завоеванием и подчинением аборигенного населения и с экономической системой, основанной на трудовых повинностях аборигенов, другая (на остальной части Аляски) – с развитием торговых отношений и миссионерства, центрами которых служат «редуты» и «одинокки». У первой много общего с «горной» испаноамериканской, а у второй – с североканадской субарктической. По сути, это два разных типа в пределах одного колониального владения.

Итак, мы видим, как на «пересечении» национальных колонизационных потоков и местных экологических зон и социокультурных ареалов формируются совершенно различные (в рамках этих потоков) модели, которые в то же время имеют много общего с другими моделями вне национально-государственных границ, представляя вместе с ними различные типы колониализма.

В Новом Свете, с известной долей условности, можно выделить пять типов колониального развития. Первый представлен «классическим», «условно горным» испаноамериканским колониализмом в зоне «высоких» индейских культур Северных и Южных Кордильер. Существовавшая там система репартименто имеет своим прямым аналогом «островную» модель в Русской Америке, параллели между которыми отмечены давно (Истомин 1987, 2000; Гринёв 1996, 2018: 236). Близка к этому типу и модель голландского колониализма в Индонезии (Гринёв 2018: 236). Этот тип (назовем его «тип I») предполагает сохранение массы аборигенов, принуждаемых к труду преимущественно внеэкономическими средствами, и их интенсивную колониальную эксплуатацию.

Второй тип («тип II»), близкий к первому по признаку сохранения массива коренного населения, но отличающийся по социальной организации, это миссионные колониальные общества Парагвая и Калифорнии.

Третий тип («тип III»), по этому же признаку диаметрально противоположный двум первым, предполагает замещение колонизирующим населением коренных жителей, вытеснение или маргинализацию аборигенов, такое изменение социально-экономического, социокультурного и природного ландшафта, которое не оставляет коренным жителям иного места, кроме как в резервациях или на обочине экономической жизни. Эту модель условно можно назвать «моделью белого замещения» (колонизация большей части США и земледельческих районов Канады, колонизация Пампы и Патагонии, а за пределами Америки – Австралии и Новой Зеландии). Сам факт провозглашения этими территориями независимости или широкой автономии (права доминиона) не менял колониальной сути продолжавшейся экспансии на территории аборигенов.

Четвертый тип («тип IV»), плантационно-рабовладельческий, имеет своим ареалом в основном прибрежные или имеющие выход к морю тропические и влажно-субтропические регионы, где утверждается ориентированное на мировой рынок плантационное хозяйство с использованием чернокожих рабов из Африки. С «типом III» его роднит вытеснение аборигенов, замещаемых инорасовым элементом в качестве основной рабочей силы, однако это не столько европейские колонисты, сколько ввозимые негры-рабы. Это Юг США, восток Бразилии, Карибский бассейн (включая прибрежные районы Мексики, ряда стран Центральной и Южной Америки), а также районы на тихоокеанском побережье Перу и Эквадора.

Наконец, пятый тип («тип V») объединяет субарктические и арктические территории Северной Америки, входившие в состав как британской и французской Канады, так и Русской Америки, включая Гренландию. В этом же направлении, видимо, развивалась и система отношений с аборигенами в неземледельческой части российской Сибири к началу XX в. Коренное население в таежной и тундровой полосе Северной Америки не подвергается завоеванию и вытеснению, оно становится партнером в мехоторговле, иногда вступает в отношения вольного найма, а также является объектом миссионерской деятельности. Это, пожалуй, максимально благоприятный для аборигенов вариант. В основе этого типа – природные условия, которые не только исключают или делают малоэффективной аграрную колонизацию, но и побуждают иногда колонизирующую сторону к противодействию такой колонизации (Агранат 1957: 136) в интересах наиболее прибыльной эксплуатации данных территорий.

Предлагаемая типология позволяет лучше понять историю колониализма. Рассматривая в качестве объекта типизации не отдельную колонию, группу соседних колоний, страну, колониальную империю и т.д., а существующие внутри отдельных колоний и государств различные социальные уклады, с определенными особенностями в экономике и в расово-этническом составе населения, мы получаем более объемную картину прошлого и настоящего стран и регионов внеевропейского мира.

Предлагаемая схема не охватывает все варианты колониализма Нового времени, но, как представляется, может послужить основой для разработки глобальной типологии этого явления. К вариантам колониального развития в Новом Свете, оставшихся вне нашей схемы, следует отнести французский колониализм в Канаде, который, по мнению некоторых историков, обнаруживают определенные аналогии с колонизацией Сибири XVII в. (Акимов 2010: 119–120; Гринёв 2018: 513). За пределами Нового Света интересна бурская колонизация Южной Африки, «гибридно» тяготеющая к некоторым уже выделенным нами выше типам.

В задачи статьи не входит ни обзор типологических схем, применявшихся другими авторами при характеристике колонизаций (см., например (Новожилова 2012: 98–103)), ни развернутое обсуждение темы

колониализма, ни анализ содержания понятий «колонизация», «колония», «освоение» и других, остающихся в определенной мере дискуссионными. Однако некоторые смысловые моменты необходимо оговорить.

«Типология не может быть правильной или неправильной: она может быть лишь более полезной или менее полезной для достижения целей, для которых она разработана», – писал М. Финли, первым попытавшимся теоретически осмыслить типологию колониализма (Finley 1976: 174). Цель нашей типологии – понять причины, обусловившие различия в исторической судьбе различных сегментов ойкумены в Новое время, а ее предмет – исключительно европейский колониализм Нового времени как уникальное историческое явление, производное от другого явления – генезиса капитализма, уникальность которого признается многими исследователями (Дмитриев 1992: 132, 141–142).

Поэтому различные варианты древней (Sommer 2011, 2012) или средневековой колонизации и возникавшие в результате социально-политические образования (в том числе государства крестоносцев) могут рассматриваться нами лишь как исторические прецеденты, опыт и традиция которых могут представлять интерес для понимания колонизационных процессов Нового времени, но которые имеют в значительной мере иную историческую природу. Также за пределами нашей типологии остаются колонизационные и вообще миграционные процессы доклассовых эпох, равно как и сами по себе явления этнополитической экспансии или культурной диффузии (в том числе распространения религий и иных доктрин) – даже если они и являются одной из граней реального колонизационного процесса. Это, впрочем, не значит, что все названные процессы не заслуживают пристального внимания при изучении общих закономерностей колонизации и экспансии (культурной и политической) как особых социально-антропологических явлений (см., например (Зубков 2009; Головнёв 2015)), – но эту задачу мы не ставим.

То, что нами предпринято – это типология не колоний (Sommer 2011: 187–188) и не колонизаций, это типология социальных укладов и социальных ландшафтов, возникающих в процессе формирования и развития колониальных систем в Новое время (до утверждения монополистического капитализма). Их статические в идеале модели рассматриваются в тесной взаимосвязи с «текучестью» реальных процессов колониального развития, включая как генезис этих моделей в процессе колонизации, так и развитие возникших социальных укладов.

Типология колониализма понимается именно в этом ключе – колониализм здесь не просто практика создания колоний и не политика, которая за этой практикой стоит; колониализм здесь – это складывающийся исторически выбор модели развития колонизованной территории, который зависит от взаимодействия трех групп факторов или переменных («variables» у Финли). Сам М. Финли в определенный момент сужает

количество переменных до трех: земля, рабочая сила и социально-экономическая структура метрополии (1976: 184). «Земля» или «природные ресурсы» (180) это, на наш взгляд, редуцированная форма более обширной группы факторов, связанных с природными условиями конкретной территории (включая и ее географическое положение), которые определяют возможности ее эксплуатации. Для второй группы факторов необходимо оговориться, что вопрос о рабочей силе (*labour*), которая станет преобладающей в данном ареале (например, индейцы, черные рабы или белые фермеры), во многом предопределяется демографическими и социокультурными характеристиками аборигенов, имеющих решающее значение при формировании конкретной колониальной модели. Именно эти характеристики являются исходными для второй «переменной». Наконец, третья группа факторов, которую Финли обозначает как «экономическая, социальная и политическая структура имперской страны» (183), на наш взгляд, должна включать также социокультурные характеристики населения метрополии.

Необходимо оговориться, что в этой статье при построении моделей колониальных обществ мы рассматриваем перспективы и альтернативы их развития, не избегая вероятностных суждений об их возможном, но не свершившемся будущем. Между тем, как известно, история не терпит сослагательного наклонения. С этим нельзя не согласиться, если речь идет о выявлении и описании свершившихся событий, их причинно-следственной связи и закономерностей, обусловивших и первое, и второе. Однако, исходя из понимания противоречивого единства возможности и действительности, «признания бытия в возможности» и онтологического статуса последней (Шемакин 1992: 12–13), необходимо допустить в рамках социально-исторического исследования изучение не только свершившихся, но и гипотетически возможных в прошлом процессов как особой части исторической реальности. «Подобно тому, как прошлая действительность не перестает быть реальной от того, что она уже в прошлом, так и прошлые возможности не теряют статуса реальности оттого, что они находятся в этом временном измерении» (15). Познавая прошлое, мы вправе познавать его вместе с теми возможностями, которые в нем содержались, но остались нераскрытыми. Критерием научности здесь будет аргументированная оценка вероятности того или иного несостоявшегося варианта развития.

Сибирь и Русская Америка

Генетическая связь русской колонизации Сибири и Северной Америки очевидна. Продвижение русских в Америку стало прямым продолжением и в то же время новым вариантом многовекового движения России на восток и северо-восток. Включение Сибири и Дальнего Востока

в состав Российского государства с конца XV до конца XVII в. было одним из величайших событий истории России, придавшее последней совершенно иное географическое качество и создавшее возможность для трансокеанской колонизации, которая отсутствовала на западе страны.

Российскую колонизацию Нового Света невозможно понять без учета предшествующего сибирского опыта. Между тем колонизация Сибири была не изолированным эпизодом сугубо российской истории, но составной частью глобального комплекса колонизационных процессов Нового времени, занимая в нем особое место.

Пушнина – традиционная и древняя статья русского экспорта. Однако усиление интереса к экспансии в изобильные пушнинной регионы Сибири вряд ли можно рассматривать без учета тех сдвигов, которые происходили в экономике Европы с конца XV в. под влиянием Великих географических открытий и заморской колониальной экспансии пиренейских государств. Приток драгоценных металлов в Европу после испанских завоеваний в Америке привел к «революции цен», в том числе цен на пушнину, которая стала предметом обихода не только знати, но и растущих зажиточных слоев населения. Возросший спрос в Западной Европе на меха и особенно русскую пушнину стал известен на Руси уже в первой четверти XVI в. и сохранялся еще полтора столетия (Fisher 1943: 20–21). «Главным образом через пушную торговлю Россия, хотя и удаленная от новых торговых центров в Европе и морских путей в Атлантике, испытала возрождение и рост торговли в шестнадцатом веке», – утверждал известный американский историк Р. Фишер (22).

Продвижение России и в Сибирь, и на Аляску происходило преимущественно в одном и том же субарктическом поясе (кроме южной Сибири и Калифорнии соответственно). Это предопределило, с одной стороны, значительную роль и в Сибири, и в Русской Америке адаптированных к условиям Субарктики выходцев с Русского Севера, а затем и уроженцев Сибири. (Их присутствие заметно и в Русской Калифорнии.) В Русской Америке к ним прибавились представители западного и восточного края российской Субарктики – финны и якуты (вначале также камчадалы). Впрочем, этническая неоднородность колонизирующего контингента наблюдается и в Сибири: исследователями отмечается значительная доля очень разнообразного «нерусского элемента» в составе служилых людей в XVII в. (Зуев, Люцидарская 2010).

С другой стороны, в силу тех же географических обстоятельств, главной целью в процессе российской колонизации и Сибири, и Северной Америки оставалась пушнина – «мягкое золото» Субарктики. В Сибири главным призом были соболиные шкурки, в Русской Америке – шкуры морской выдры (калана), которую русские именовали «морским бобром». Вместе с тем если добыча соболя была доступна всем народам таежных лесов, в том числе и русским, которые активно участвовали в

сибирском пушном промысле, то промысел калана требовал навыков, которыми в совершенстве обладали лишь представители народов, принадлежавших к хозяйственно-культурному типу морских охотников и рыболовов Арктики и Субарктики, причем только в южной части его ареала. И здесь распространение на восток сибирской модели колониализма натолкнулось на взаимосвязанные экологический и социокультурный барьеры.

С точки зрения получения сибирской пушнины – главной цели экспансии Российского государства в данном регионе, и в частности ясака, который «был стержнем русско-аборигенных отношений в Сибири» (Зуев 2009: 84) – колониальная система в Сибири в XVII в. представляла собой функциональный треугольник, каждая из вершин которого имела для этой системы критическое значение. Одна из этих вершин – аборигенное население, платившее ясак и в целом добывавшее значительную долю поступавшей на рынок пушнины. Вторая – административно-силовой аппарат в городах и острогах, обеспечивавший контроль над территорией и механизм извлечения ясака. Третья – колонизирующие Сибирь русские крестьяне, обеспечивавшие хлебом сибирские города.

Но между вершинами этого условного треугольника действовал «четвертый элемент», представлявший негосударственную активность, ориентированную на пушной промысел. Это были, наряду с купцами, самостоятельные добытчики пушнины – русские промышленники, либо действовавшие на свой риск (своеуженники), либо нанятые купцами-предпринимателями (покрученники). Впрочем, промыслять пушного зверя стремились и служилые люди. На долю частной пушнины в XVII в. приходилось не менее двух третей пушнины, добываемой в Сибири (Пузанов 2018: 79–80). Пошлина с этой пушнины составляла важную часть государственных доходов.

Именно купцы и промышленники стали главной движущей силой заморского колониализма России. С истощением соболиных угодий в Сибири промышленники потянулись на недавно завоеванную Камчатку. Открытия Беринга и Чирикова (1741) вызвали движение промышленников дальше на восток. «Едва лишь завершилась эта экспедиция, сообщившая сведения о богатейших лежбищах морского зверя на островах Тихого океана... как началось стремительное продвижение русских промышленников вдоль Алеутских островов к Американскому материку» (Федорова 1971: 100).

С 1743 г., с экспедиции Басова на Командорские острова, начинается история плаваний промышленников на восток. Суда снаряжались купцами на паях, промышленники получали примерно половину добытой пушнины на основе так называемой полупаевой системы (История Русской Америки 1997: 72–73). Экспедиции промышленников самостоятельно прокладывали путь на восток: государство лишь контролировало

эту деятельность через посланных людей, взимало пошлины с добытой пушнины и снаряжало время от времени правительственные экспедиции. Последние служили средством обеспечения колонизационного процесса в двух аспектах – информационном (получение точных географических сведений и их систематизация) и политическом (утверждение и защита государственного суверенитета над открытыми территориями). При этом географические задачи были продолжением, составной частью и средством достижения задач политических (197–198).

Главной целью были шкуры калана (морской выдры, «морского бобра») – его добыча в прибрежных акваториях требовала высокого мастерства, которым промышленники не обладали. Очень скоро они перешли к использованию принудительного труда коренных жителей островов – алеутов, а затем и кадьякских эскимосов (все зависимое население островов русские называли «алеутами»). Эта практика утверждалась и распространялась вдоль побережья Аляски в течение последующего полувека. «Более половины столетия русские захватывали промысловые угодья, принуждая алеутов добывать меха...» (Федорова 1971: 101).

И это было одним из принципиальных отличий Русской Америки от колониальной Сибири, где эксплуатация аборигенов находилась в исключительной компетенции государства, а защита добывавших пушнину аборигенов, ясачных плательщиков, была приоритетом царской политики. Государственный патернализм по отношению к коренному населению остается определяющим и в российской «туземной политике» в Северной Америке, но здесь он носит скорее «инерционный» и идеологический характер, нежели диктуется экономическими интересами государства. Запрет притеснять туземцев при такой удаленности от контролирующих инстанций нарушался едва ли не сильнее, чем в Сибири. Впрочем, и сама система эксплуатации туземцев не вписывалась в сибирскую модель и формально была нелегальной. Практика систематической насильственной эксплуатации аборигенов была возможна только в условиях безвластия, фактически царившего на островах на ранней стадии колонизации – время от времени в Петербург доходили жалобы, но они не могли изменить доминирующей тенденции.

Другой «инерционный» момент – повышенный интерес государства к расширению территории на восток, на богатые пушным зверем земли, незанятые другими государствами. До 1790-х гг. сохранялась установка на сбор ясака (уже не имевшего прежнего экономического значения). Но в Русской Америке экспансионистский импульс слабеет, а затем и угасает. Об его остаточной энергии говорит серия правительственных экспедиций. Препятствием для экспансии стала чрезвычайная географическая удаленность и труднодоступность Русской Америки по отношению к экономическим и военно-политическим центрам Российской

империи, в том числе крайняя растянутость коммуникаций снабжения (Gibson 1976, 1992).

Колонизация Сибири – материковая, колонизация Русской Америки – заморская. Для дальнейшего движения на восток требовались суда, и если на первых порах первопроходцы использовали шитики – «сшитые» суденышки без единого гвоздя, то дальше уже была востребована западноевропейская школа кораблестроения и навигации, утвердившаяся в России при Петре I. Тем более что именно ее достижения демонстрировали иностранные конкуренты России на Тихом океане, имевшие физический доступ к русским владениям. И в отличие от Сибири, русская колонизация Америки по некоторым технологическим параметрам и регулярным контактам с представителями Запада достаточно плотно и очень рано вошла в европейский культурный круг и по мере развития – в европейское информационное пространство.

Заморский характер колонизации предопределил и невиданную для Сибири концентрацию капитала в пушном промысле: чем дальше на восток по мере истребления калана отодвигалась приоритетная зона промысла, тем больше средств требовалось для снаряжения экспедиций, тем меньше компаний могли выдержать конкуренцию. К концу XVIII в. встает вопрос уже о монопольной компании, и эта идея воплощается в жизнь.

Русская Америка с точки зрения типологии колониализма

Рассмотрим особенности колониальных отношений в Русской Америке. Помимо прямого насилия (принуждения к промыслу аборигенов) широко использовалась и другая, менее конфликтная кабально-долговая система эксплуатации туземцев – так называемое задалживание, описанное в конце 1760-х М.Д. Левашовым: алеуты получали от русского купца аванс товарами и отрабатывали его, постепенно оказываясь в кабале (РГАВМФ).

Из синтеза двух практик, как из двух корней, вырастает «островная» система эксплуатации аборигенов, которая окончательно утверждается с созданием в Новом Свете постоянных русских поселений (1784). Этот новый этап в российской колонизации Нового Света связан с именами Г.И. Шелехова, его наследников и администраторов. К этому времени процесс концентрации капитала привел сначала к сокращению числа промысловых компаний, а затем и возникновению монопольной полугосударственной Российско-Американской компании (РАК) в 1799 г.

Основателям РАК удалось избежать упоминания «туземной темы» в основополагающих документах Компании. Фактически же экономика Русской Америки базировалась на эксплуатации аборигенов зависимых территорий, подробно описанной в литературе (Гринёв 2018: 223 сл.). Низшую ступеньку социальной иерархии занимали каюры – местная

разновидность рабов. Однако они играли вспомогательную роль, в то время как основной производственный процесс – добыча калана – выполнялась «вольными алеутами», зависимыми от Компании жителями Алеутских островов, о. Кадыяка, а также некоторых участков материкового побережья Южной Аляски. Основная часть взрослых мужчин отправлялась в промысловые партии под началом русских для добычи морского зверя (прежде всего калана), порой на очень дальнее расстояние (подобные партии на кораблях достигали Калифорнии и Гавайев). Женщины, дети и старики добывали птиц, собирали птичьи яйца, сусликов и сарану, женщины шили одежду и лафтаки. Формально их труд компенсировался товарами, но фактически это была «система принудительного долгового найма» (История Русской Америки 1999: 28; Гринёв 2018: 226).

Момент принуждения к труду красноречиво демонстрирует эпизод отправки «алеутов» на Кадыяке в 1801 г. в Ситхинскую партию, описанный членом Русской православной миссии в Америке иеромонахом Гедеоном. Русские промышленные с заряженными ружьями продемонстрировали «алеутам» заранее заготовленные колодки, рогатки, розги, линьки и палки, предлагая их для наказания на выбор тем, кто не желает ехать в партию. Отказавшегося кадыяка «секли до тех пор, пока захрипел и едва мог сказать “Еду”» (Записки иеромонаха Гедеона... 1994: 84–85).

Сходство колониальной системы Русской Америки с колониальным Перу поразительно. «Бобровый промысел» имел в Перу своим аналогом «миту» (Окунь 1939), каюры – янаконов, редукции (искусственно созданные поселения) – «общие селения» на Кадыяке и других островах. (Истомин 1987, 2000; Гринёв 1996, 2018).

С завершением ранней истории РАК («эра Баранова») происходит ликвидация каюрства и полупаевой системы как анахроничных элементов в колониальной системе Русской Америки, а отношения с аборигенами подвергаются регламентации в «Правилах» и «Уставе» РАК 1821 г. Новые «Правила» запрещают Компании создавать поселения без согласия туземцев – с точки зрения реалий колониализма это означало едва ли не запрет на колониальную экспансию. И это один из парадоксов Русской Америки, невозможный ни в Сибири, ни в заморских колониях других стран. Действительно, после А.А. Баранова экспансия прекращается: в 1824–1825 гг. установлены границы русской Аляски, царь отказывается от гавайской авантюры РАК, судьба колонии Росс на два десятилетия приобретает трагическую неопределенность. Традиционный для России патернализм самодержавия и его нарастающий консерватизм вошли в противоречие с императивами заморской колонизации, общими для Нового времени. Сработала отмеченная А.Д. Агеевым причинно-следственная связь между консервативностью государства и «консервативными» последствиями для аборигенных народов (Агеев 2005: 265).

«Барановская эра» заканчивается полупобедой этатизма. Во главе колоний встают морские офицеры.

Итак, мы видим, что колониальная модель РАК на островах, унаследовав от сибирской модели некоторые моменты, в остальном сильно от нее отличается. Что касается названия, то еще в начале XIX в. «островная» модель распространялась и на часть материкового побережья Южной Аляски (кенайцы, чугачи, катмайцы), но к 1860-м гг. ее влияние там ослабло.

По соседству в той же Аляске присутствует другая модель колонизации, сходная с моделью английской и французской колонизации субарктической Канады. Она основана на свободной бартерной торговле с аборигенами и создании на туземной территории опорных пунктов – центров торговли и миссионерства. Это «тип V» нашей типологии.

Спротивление тлинкитов, которое РАК встретила в архипелаге Александра (юго-восточная Аляска), исключала здесь иную модель колониальных отношений, кроме торговой «субарктической» («тип V»). В остальной части Аляски (материковой), за исключением отмеченных выше участков побережья, также повсеместно утверждается система получения мехов через торговлю с коренным населением.

Даже попытки организовать промысловые партии не зависимых, а нанятых туземцев (по примеру сибирских промышленников) подвергаются критике со стороны видного деятеля РАК Л.А. Загоскина (1840-е гг.) как ведущие к «быстрому уничтожению бобров» (на примере Александровского редута). Снаряжение партий и плата охотникам обойдутся дороже, считал Загоскин, чем простая скупка пушнины, тем более что с учетом особенностей промыслового хозяйства туземцев западной Аляски («каждая семья туземцев имеют как бы свои родовые промысловые дачи») деятельность партий вызовет конфликты (1848: 27–28).

Таким образом, в российских колониях на Аляске были представлены два известных нам типа колониальных отношений – I и V. Их объединяла единая для Русской Америки политика царского правительства, выраженная в Уставе и Правилах РАК, и общие принципы политики Компании, определявшиеся ее интересами, адаптацией к государственной политике и местным условиям, и, наконец, наработанными десятилетиями традициями. Однако региональная специфика (экология и адаптированные к ней хозяйственно-культурные типы (ХКТ)) определила формирование при этой общей политике различных моделей, относящихся к различным колонизационным типам.

Истощения ресурсов морской выдры побуждало РАК к освоению пушных богатств на материке («земляной зверь»), и здесь Компания пошла по пути, проложенному Компанией Гудзонова залива (КГЗ), перейдя к созданию факторий для скупки пушнины. Подчинение рассеянных по тайге и лесотундре индейцев и эскимосов было нереально. Об

ясаке к этому времени давно забыли: правилами РАК он не предусматривался.

Возникает вопрос о перспективах «островной» аляскинской модели, исходя из того, что продажа Аляски, как представляется, не была неизбежной. Конец Русской Америки пришелся на 1860-е гг., когда Россия освобождалась от внеэкономических методов принуждения к труду: в этих условиях репутация «островной» модели была под вопросом. В 1866 г. Государственный совет выступил с резкой критикой «системы закрепощения туземцев» в Русской Америке, считая эту систему «невыгодной» по сравнению с КГЗ, и по новому уставу РАК 1866 г. прежняя колониальная модель была в значительной мере демонтирована (Гринёв 2018: 481–484).

РАК сохранила монополию на торговлю пушниной, но дискуссия в Госсовете по поводу ее устава и состояние Компании на момент продажи Аляски заставляют предположить, что в случае сохранения российского суверенитета над Аляской РАК вряд ли смогла бы долго удерживать монополию в условиях растущей внешней и внутренней экономической и политической конкуренции. А демонополизация означала бы, что социально-экономическое развитие аляскинских «островитян» скорее всего происходило бы в рамках пятого, «субарктического» типа на основе свободной продажи продуктов трудовой деятельности и рабочей силы.

И, возможно, пример командорских алеутов демонстрирует наиболее вероятный вариант развития Алеутских островов и Кадьяка, включая привлечение местного населения для охраны лежбищ морского зверя от браконьеров.

Колония Росс как особый случай в типологии колониализма

Особое место в Русской Америке занимала колония Росс (в XX в. некоторые историки, прежде всего Дж.Р. Гибсон, стали называть ее Русской Калифорнией). Она стала своего рода социально-исторической лабораторией, где на ограниченном пространстве – географическом и социальном – и на малом временном промежутке (около 30 лет) можно увидеть формирование и развитие в этом микросоциуме поддающихся типизации моделей колониальных отношений.

Рамки данной статьи не позволяют подробно анализировать этот теоретически очень интересный случай. Можно выделить только некоторые принципиальные особенности.

Специфика Русской Калифорнии определялась несколькими обстоятельствами экологического, социокультурного и геополитического плана. Прежде всего эта колония находилась на значительном удалении от Аляски и за пределами Субарктики, поскольку и в Калифорнии обитал «целевой ресурс» российской колонизации – калан, образуя

отдельный подвид и соответствующую популяцию. Здесь, на стыке умеренного и субтропического поясов, местные индейцы представляли особый ХКТ, основанный на специализированном собирательстве, комбинирующимся с охотой и рыболовством. При этом на калана они почти не охотились.

В 1810-х гг., пока не был выбит калан, главным в экономике Росса был именно морской зверобойный промысел – и первоначально российская колонизация Калифорнии представляла собой своего рода перенос на юг микросоциума, построенного по «островной» аляскинской модели (частный случай «типа I»). Это был кусочек «классической», «островной» Русской Америки с обычной для нее социальной пирамидой, где в основании находились «алеуты» (в большинстве своем кадьякские эскимосы), перемещенные сюда для промысла морской выдры (калана). Участие индейцев в жизни колонии носило скорее гендерный характер (индеанки-сожительницы, преимущественно «алеутов»).

Отношения с индейцами имели здесь для РАК решающий характер при выборе района колонизации с учетом как предшествующего «тлинкитского» опыта, так и близости испанских владений, под «боком» которых возникает Росс (подробнее см.: (Истомин 2002)). В Калифорнии возник слабый союз с аборигенами, заинтересованными в защите от испанских набегов. Он не привел к каким-либо акциям против испанцев, однако их останавливало само присутствие русской крепости, и они не решались совершать далее Росса свои охотничьи рейды за индейскими неофитами для францисканских миссий. Благодаря этому ближайшим к Россу индейцам кашайа (юго-западным помо) удалось сохранить свою идентичность (Истомин 1996: 42; Истомин 2006: 507). В безопасности от испанских рейдов оставались и те помо, что обитали севернее. Росс оказался своего рода щитом (Истомин 1980), остановившим испанскую колонизацию на север и спасшим кашайа от этноцида – в интересах неудавшейся колонизации русской.

Мирное соседство с аборигенами – нередкое явление для начального этапа колонизации, но оно обычно не бывает долговечным, так как вступает в действие ее, колонизации, логика, по которой аборигены являются объектом (самое большое – инструментом), а не субъектом процесса. Тем не менее в определенных экологических условиях, как мы видим, например, в таежной Субарктике, сохранение мирных отношений может стать одной из черт формирующейся колониальной модели. В случае Росса добавился политический фактор, как внешний (испанцы), так и внутренний (патернализм российского самодержавия по отношению к аборигенам).

В 1820-х гг. модель отношений начала меняться с изменениями в экономике колонии и с усилением государственной регламентации. Индейцы становятся главным источником неквалифицированной рабочей

силы в развивающемся земледелии. Как прирожденные и высокоспециализированные собиратели, они обладали достаточной квалификацией для тех сельскохозяйственных работ (посевных, уборочных) с их примитивной агротехникой, для которых они приглашались в массовом количестве (Истомин 1996: 45; 2006: 506–507).

Необходимо заметить, что администрации Росса удалось избежать борьбы с индейцами за землю благодаря тому, что русская аграрная колонизация, кроме узкой приокеанской полосы, развивалась главным образом южнее р. Славянки, в районе залива Бодига, где коренное население, индейцы береговые мивок, уже стало жертвой испанских рейдов, а его остатки (группа вождя Валенилы) были немногочисленны и тесно связаны с русскими.

Однако насилия избежать не удалось, что вызвало тревогу у главного правителя колоний Ф.П. Врангеля. Примерно между 1827 и 1832 гг. индейцев стали пригонять на сезонные полевые работы силой, хотя это был не просто принудительный труд, а скорее насильственное принуждение к формально (хотя и скудно) оплачиваемому труду, как и в «островной» модели на Аляске, поскольку, как и при предшествовавшем вольном найме, главной компенсацией индейцам служила еда, которую в качестве премии могли дополнять грубая одежда и одеяла (Россия в Калифорнии... 2005: 640; 2012: 97–98). По свидетельству Ф.П. Врангеля, «от худой пищи и ничтожного платежа» индейцы перестали сами приходить в селение и их пришлось пригонять, причем в новых условиях питание предоставлялось настолько скудное, что индейцы от него приходили «в крайнее истощение» (Россия в Калифорнии... 2012: 97–98). В целом это примерно та же самая комбинация внеэкономических и экономических стимулов к труду, которую мы наблюдаем в «островной» модели, но в более примитивной форме.

На «индейскую политику» администрации Росса в данном случае повлияли, видимо, также два обстоятельства. Во-первых, играла роль инерция уже сложившейся в Русской Америке (при А.А. Баранове и ранее) практики обращения с коренным населением. Во-вторых, был пример испанцев с их жестокой практикой «охотничьих» и карательных экспедиций.

Отличие от того, что мы наблюдаем на Аляске, состояло в аборигенной составляющей этой системы. «Алеуты», с их ХКТ морских охотников и рыболовов (что было критически необходимо для зверобойного промысла), с истощением ресурсов калана в калифорнийских водах теряют свое функциональное значение. В то же время калифорнийские индейцы, принадлежавшие к ХКТ специализированных собирателей и охотников, оказываются востребованы в новой земледельческой экономике как умелые собиратели. Их навыки встроены в новую систему, давая определенную компенсацию в виде питания. По мере сокращения

численности «алеутов» индейцы оказались в основании социальной пирамиды (подробнее см.: (Истомин 2023: 331–351)). Происходило замещение в этом качестве одной аборигенной группы (пришлой для данного района) другой, автохтонной, хотя в Россе этот процесс не успел завершиться.

Однако нужно оговориться, что развитию социальных отношений по «островной» модели «типа I» серьезно препятствовали бы: неопределенный международный статус Росса (затруднивший бы здесь легализацию подобной системы), нарастающая дискредитация внеэкономических форм эксплуатации в самой России, сильная государственная регламентация деятельности РАК, а также материковое положение колонии с фактически отсутствующими естественными границами (хотя миграционный потенциал у калифорнийских индейцев был значительно ниже, чем, например, у индейцев Вудленда или Великих Равнин).

Впрочем, даже если бы в Россе и возникла формализованная система трудовых повинностей местных индейцев, ее существование не могло быть продолжительным. Все решало главное обстоятельство – историческая обреченность подобной модели в условиях социальной модернизации России во второй половине XIX в., как мы это видели выше на примере русской Аляски.

Пример Русской Калифорнии интересен тем, что это «колонизация в поиске» и еще не устоявшееся колониальное общество. Колонизация вообще в силу своей динамичности «не склонна» к стабилизации возникающих в ее ходе общественных структур. Энергия колониального экспансионизма – внутреннего, своего, и чужого, внешнего (в этом плане показательна судьба французской Канады и бурской Южной Африки) – затрудняет создание здесь столь же устойчивых многовековых обществ, как в метрополии.

Особое значение имеет то обстоятельство, что колония Росс была расположена в Калифорнии. Калифорния – это место, где в XIX в. встретились три колонизационные модели, три национальных колонизационных потока – испанский, российский и (англо)американский – контрастные особенности которых особенно четко видны в сравнении. Их конкуренция ярко проявилась в исторической памяти индейцев кашайа, о чем свидетельствует предание, которое духовный лидер кашайа в середине XX в. Эсси Пэрриш рассказала американскому исследователю Форт-Росса археологу Джону Маккензи. Его запись обнаружил Игорь Полищук, директор по внешним связям Ассоциации по сохранению Форт-Росса (Fort Ross Conservancy), с разрешения которого мы приводим ее содержание (нами готовится полная публикация данного сообщения).

Согласно этому преданию, русские, покидая Росс, пока покупатель Дж. Саттер не расплатился полностью за покупку, оставили саму крепость под контроль кашайа. Те позднее получили новость «по

сигнальной системе, которую установили русские и поддерживали индейцы», о приближении банды вооруженных белых людей без фургонов. Когда крепость подверглась нападению этой банды, индейцы ответили огнем из оставшихся в Россе пушек, которые заряжали русским порохом и самодельной картечью (из камней, пуль и т.п.). Не вдаваясь в дискуссию о степени исторической достоверности описываемого, необходимо отметить, что таким образом в исторической памяти кашаи крепость продолжала ассоциироваться с темой защиты от «других белых», причем в данном случае непосредственно русским оружием. И если начало русско-индейских отношений здесь связано с российско-испанским соперничеством, то сюжет данного предания мог отражать приближение волны англоамериканской колонизации.

Список источников

- Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М.: Аспект Пресс, 2005.
- Акимов Ю.Г. Северная Америка и Сибирь в конце XVI – середине XVIII в. Очерк сравнительной истории колонизаций. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2010.
- Александров Г.В. «Святые» и «дикари»: Взаимоотношения колонистов и коренного населения Новой Англии в XVII веке. М.: ЛЕНАНД, 2021.
- Агранат Г.А. Зарубежный Север. Очерки природы, истории, населения и экономики районов. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
- Головнёв А.В. Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015.
- Гринёв А.В. «Колониальный политаризм» в Новом Свете // Этнографическое обозрение. 1996. № 4. С. 52–64.
- Гринёв А.В. Аляска под крылом двуглавого орла. 2-е изд., доп. М., 2018.
- Дмитриев М.В. Генезис капитализма как альтернатива исторического развития // Альтернативность истории. (Манекин Р.В., Шемякин Я.Г., Коротаев А.В., Ионов И.Н., Дмитриев М.В.). Донецк: Донецкое отделение советской ассоциации молодых историков, 1992. С. 132–165. (Анналы. Научно-публицистический альманах. 3)
- Загоскин Л. Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная лейтенантом Л. Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 годах. Ч. I. СПб., в типографии Карла Крайя, 1847. Ч. II. СПб., 1848.
- Записки иеромонаха Гедеона о Первом русском кругосветном путешествии и Русской Америке, 1803–1808 гг. Сост., введ. и примеч. Р.Г. Ляпуновой // Русская Америка: По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев. М.: Мысль, 1994. С. 27–121.
- Зубков К.И. Колонизация как фактор социально-исторического развития // Уральский исторический вестник. 2009. № 2(23). С. 15–24.
- Зуев А.С. Ясак, подданство и договорный дарообмен: чукотский вариант (XVII–XIX в.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 2 (23). С. 84–92.
- Зуев А.С., Люцидарская А.А. Этнический состав сибирских служилых людей в конце XVI – начале XVIII века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 1: История. С. 52–69.
- Истомин А.А. Селение Росс и калифорнийские индейцы // Советская этнография. 1980. № 4. С. 57–69.
- Истомин А.А. Америка Испанская и Русская // Латинская Америка. 1987. № 6. С. 59–60.
- Истомин А.А. Русско-индейские контакты в Калифорнии в свете новых данных // Американские индейцы: новые факты и интерпретации. М., 1996. С. 26–48.

- Истомин А.А. О «колониальном политаризме», латиноамериканском «феодализме» и некоторых аспектах отношения к аборигенам в Русской Америке // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 89–108.
- Истомин А.А. «Индийский фактор» в калифорнийской политике Российско-Американской компании на начальном этапе колонизации (1807–1821 гг.) // История и семиотика индейских культур Америки. М.: Наука, 2002. С. 452–463.
- Истомин А.А. Индейская политика российской колониальной администрации в Калифорнии в 1821–1841 гг. // Власть в аборигенной Америке. М.: Наука, 2006. С. 500–524.
- Истомин А.А. Особенности социальной стратификации в колонии Росс // История и антропология Америки в зеркале российской науки. М.: ИЭА РАН, 2023. С. 321–351.
- История Русской Америки / под общ. ред. Н.Н. Болховитинова. М.: Междунар. отношения. Т. I. 1997; Т. II. 1999.
- Новожилова Е.О. Социально-историческая экология. СПб.: Нестор-История, 2012.
- Окунь С.Б. Российско-американская компания. М.; Л., 1939.
- Пузанов В.Д. Доходы Русского государства от сибирской пушнины в XVII в. // Вопросы истории. 2018. № 1. С. 70–81.
- Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. 913. Оп. 1. Д. 131. Левашов М.Д. Записки.
- Россия в Калифорнии. Русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях, 1803–1850: в 2 т. / сост. А.А. Истомин, Дж.Р. Гибсон, В.А. Тишков. М.: Наука, 2005. Т. I; 2012. Т. II.
- Согрин В.В. Английское влияние на американскую цивилизацию // Новая и новейшая история. 2019. № 1. С. 3–24.
- Три века колониальной Америки. О типологии феодализма в Западном полушарии. (Комиссаров Б.Н., Петрова А.А., Саламатова О.В., Ярыгин А.А.). СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1992.
- Федорова С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII века – 1867 г. М., 1971.
- Шемякин Я.Г. Теоретические проблемы исследования феномена альтернативности // Альтернативность истории. (Манекин Р.В., Шемякин Я.Г., Коротаев А.В., Ионов И.Н., Дмитриев М.В.). Донецк: Донецкое отделение советской ассоциации молодых историков, 1992. С. 12–75. (Анналы. Научно-публицистический альманах. 3)
- Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892.
- Gibson J.R. Imperial Russia in Frontier America. N.Y.: Oxford University Press, 1976.
- Gibson J.R. Otter Skins, Boston Ships, and China Goods. The Maritime Fur Trade of the Northwest Coast, 1785–1841. Montreal; Kingston; London: McGill-Queen's University Press, 1992.
- Finley M.I. Colonies: An Attempt at a Typology // Transactions of the Royal Historical Society. 1976. 5th ser. Vol. 26. P. 167–188.
- Fisher R.H. The Russian Fur Trade 1550–1700. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1943.
- Sommer M. Colonies – Colonisation – Colonialism: A Typological Reappraisal // Ancient West & East. 2011. Vol. 10. P. 183–193.
- Sommer M. Heart of Darkness? Post-Colonial Theory and the Transformation of the Mediterranean // Ancient West & East. 2012. Vol. 11. P. 235–245.

References

- Ageev A.D. (2005) *Sibir' i amerikanskii Zapad: dvizhenie frontirov* [Siberia and the American West: the Frontier Movement]. Moscow, Aspekt Press.

- Akimov Iu.G. (2010) *Severnaia Amerika i Sibir' v kontse XVI – seredine XVIII v. Ocherk sravnitel'noi istorii kolonizatsii* [North America and Siberia at the end of the 16th – mid-18th centuries. Essay on the comparative history of colonization]. St. Petersburg.: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta.
- Aleksandrov G.V. (2021) «*Sviatye*» i «*dikari*»: *Vzaimootnosheniia kolonistov i korennoho naseleniia Novoi Anglii v XVII veke* ["Saints" and "savages": Relationships between the colonists and the indigenous population of New England in the 17th century]. Moscow: LENAND.
- Agranat G.A. (1957) *Zarubezhnyi Sever. Ocherki prirody, istorii, naseleniia i ekonomiki raionov* [Foreign North. Essays on nature, history, population and economics of the regions]. Moscow, izd-vo AN SSSR.
- Golovnev A.V. (2015) *Fenomen kolonizatsii* [The phenomenon of colonization]. Ekaterinburg: UrO RAN.
- Grinev A.V. (1996) «Kolonial'nyi politarizm» v Novom Svete ["Colonial Politicism" in the New World], *Etnograficheskoe obozrenie*. no. 4, pp. 52–64.
- Grinev A.V. (2018) *Aliaska pod krylom dvuglavogo orla* [Alaska under the wing of a double-headed eagle]. 2nd edition, updated Moscow.
- Dmitriev M.V. (1992) Genezis kapitalizma kak al'ternativa istoricheskogo razvitiia. In: *Al'ternativnost' istorii* [Alternate History]. (Manekin R.V., Shemiakin Ia.G., Korotaev A.V., Ionov I.N., Dmitriev M.V.). Donetsk: Donetskoe otделение sovetskoi assotsiatsii molodykh istorikov, pp. 132–165. (Annals. Scientific and journalistic almanac. 3)
- Zagoskin L. (1847) (1848) *Peshekhodnaia opis' chasti russkikh vladenii v Amerike, proizvedennaia leitenantom L. Zagoskinym v 1842, 1843 i 1844 godakh* [Pedestrian inventory of part of Russian possessions in America, made by Lieutenant L. Zagoskin in 1842, 1843 and 1844]. Book I. St. Petersburg, v tipografii Karla Kraiia, 1847. Book II. St. Petersburg, 1848.
- Zapiski ieromonakha Gedeona o Pervom russkom krugosvetnom puteshestvii i Russkoi Amerike, 1803–1808 gg. Sost., vved. i primech. R.G. Liapunovoi [Notes of Hieromonk Gideon about the First Russian trip around the world and Russian America, 1803–1808. Comp., intro. and note. R.G. Lyapunova]. In: *Russkaia Amerika: Po lichnym vpechatleniiam missionerov, zemleprokhodtsev, moriakov, issledovatelei i drugih ochevidtsev* [Russian America: According to the personal impressions of missionaries, explorers, sailors, researchers and other eyewitnesses]. Moscow: Mysl', 1994. pp. 27–121.
- Zubkov K.I. (2009) Kolonizatsiia kak faktor sotsial'no-istoricheskogo razvitiia [Colonization as A Factor of Socio-Historical Development], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 2(23), pp. 15–24.
- Zuev A.S. (2009) Iasak, poddanstvo i dogovornyi daroobmen: chukotskii variant (XVII–XIX v.) [Jasak, Citizenship and Contractual Exchange of Gifts: Chukchi Version (XVII–XIX)], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 2(23), pp. 84–92.
- Zuev A.S., Liutsidarskaia A.A. (2010) Etnicheskii sostav sibirskikh sluzhilykh liudei v kontse XVI – nachale XVIII veka [Ethnic Structure of Siberian Service Class People at The End of XVI – The Beginning of The XVIII Centuries], *Vestnik NGU. Seriya: Istorii, filologiya*. Vol. 9, is. 1: History, pp. 52–69.
- Istomin A.A. (1980) Selenie Ross i kaliforniiskie indeitsy [The Ross Village and the California Indians], *Sovetskaia etnografiia*, no. 4, pp. 57–69.
- Istomin A.A. (1987) Amerika Ispanskaia i Russkaia [Spanish and Russian America], *Latinskaia Amerika*, no. 6, pp. 59–60.
- Istomin A.A. (1996) Russko-indeiskie kontakty v Kalifornii v svete novykh dannykh. [Russian-Indian contacts in California in the light of new data]. In: *Amerikanskii indeitsy: novye fakty i interpretatsii* [American Indians: new facts and interpretations]. Moscow, pp. 26–48.
- Istomin A.A. (2000) O «kolonial'nom politarizme», latinoamerikanskom «feodalizme» i nekotorykh aspektakh otnosheniia k aborigenam v Russkoi Amerike [On The "Colonial

- Politarism", Latin American "Feudalism" And Some Aspects of The Attitude to Natives in Russian America], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 3, pp. 89-108.
- Istomin A.A. (2002) "Indeiskii faktor" v kaliforniiskoi politike Rossiisko-Amerikanskoi kompanii na nachal'nom etape kolonizatsii (1807–1821 gg.) ["Indian factor" in the Californian policy of the Russian-American company at the initial stage of colonization (1807–1821)]. In: *Istoriia i semiotika indeiskikh kul'tur Ameriki* [History and semiotics of American Indian cultures]. Moscow: Nauka, pp. 452–463.
- Istomin A.A. (2006) Indeiskaia politika rossiiskoi kolonial'noi administratsii v Kalifornii v 1821–1841 gg. [Indian policy of the Russian colonial administration in California in 1821–1841]. In: *Vlast' v aborigennoi Amerike* [Power in Native America] / Ed. by A.A. Borodatova, V.A. Tishkov; Institute of Ethnology and Anthropology n.a. N.N. Miklukho-Maklai RAN. Moscow: Nauka, pp. 500–524.
- Istomin A.A. (2023) Osobennosti sotsial'noi stratifikatsii v kolonii Ross [Features of social stratification in the Ross colony]. In: *Istoriia i antropologiiia Ameriki v zerkale rossiiskoi nauki* [History and anthropology of America in the mirror of Russian science]. Moscow: IEA RAN, pp. 321–351.
- Istoriia Russkoi Ameriki* [History of Russian America]. Ed. by N.N. Bolkhovitinov. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. I. 1997. Vol. II. 1999.
- Novozhilova E.O. (2012) *Sotsial'no-istoricheskaia ekologiia* [Socio-historical ecology]. St. Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Okun' S.B. (1939) *Rossiisko-amerikanskaia kompaniia* [Russian-American company]. Moscow – Leningrad.
- Puzanov V.D. (2018) Dokhody Russkogo gosudarstva ot sibirskoi pushniny v XVII v. [Income of The Russian State from The Siberian Furs in The XVII Century], *Voprosy istorii*, no. 1, pp. 70–81.
- Russian State Archive of the Navy (RGAVMF). Fund 913. List 1. File 131. Levashov M.D. Notes.
- Rossia v Kalifornii. Russkie dokumenty o kolonii Ross i rossiisko-kaliforniiskikh svyaziakh, 1803–1850: v 2 tt.* [Russia in California. Russian documents about the Ross colony and Russian-California connections, 1803–1850: in 2 vols.]. Sost. A.A. Istomin, J.R. Gibson, V.A. Tishkov. Moscow: Nauka. Vol. I: 2005; Vol. II: 2012.
- Sogrin V.V. (2019) Angliiskoe vliianie na amerikanskuiu tsivilizatsiiu [Great Britain and American Civilization], *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 1, pp. 3–24.
- Tri veka kolonial'noi Ameriki. O tipologii feodalizma v Zapadnom polusharii* [Three centuries of colonial America. On the typology of feudalism in the Western Hemisphere] (Komissarov B.N., Petrova A.A., Salamatova O.V., Iarygin A.A.). St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1992.
- Fedorova S.G. (1971) *Russkoe naselenie Aliaski i Kalifornii. Konets XVIII veka – 1867 g.* [Russian population of Alaska and California. End of the 18th century – 1867]. Moscow.
- Shemiakin Ia.G. (1992) Teoreticheskie problemy issledovaniia fenomena al'ternativnosti. In: *Al'ternativnost' istorii* [Alternate History]. (Manekin R.V., Shemiakin Ia.G., Korotaev A.V., Ionov I.N., Dmitriev M.V.). Donetsk, Donetskoe otделение sovetskoi assotsiatsii molodykh istorikov, pp. 12–75. (Annals. Scientific and journalistic almanac. 3)
- Iadrintsev N.M. (1892) *Sibir' kak koloniia v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii* [Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms]. St. Petersburg.
- Gibson J.R. (1976) *Imperial Russia in Frontier America*. N.Y.: Oxford University Press.
- Gibson J.R. (1992) *Otter Skins, Boston Ships, and China Goods. The Maritime Fur Trade of the Northwest Coast, 1785–1841*. Montreal – Kingston – L., McGill-Queen's University Press.
- Finley M.I. (1976) Colonies: An Attempt at a Typology, *Transactions of the Royal Historical Society*, 5th ser., vol. 26, pp. 167–188.

Fisher R.H. (1943) *The Russian Fur Trade 1550–1700*. Berkeley – Los Angeles, University of California Press.

Sommer M. (2011) Colonies – Colonisation – Colonialism: A Typological Reappraisal, *Ancient West & East*, vol. 10, pp. 183–193.

Sommer M. (2012) Heart of Darkness? Post-Colonial Theory and the Transformation of the Mediterranean, *Ancient West & East*, vol. 11. pp. 235–245.

Сведения об авторе:

ИСТОМИН Алексей Александрович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: alexei.istomin@iea.ras.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Alexei A. Istomin, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: alexei.istomin@iea.ras.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 30 июля 2023;
принята к публикации 29 ноября 2023.*

*The article was submitted 30.07.2023;
accepted for publication 29.11.2023.*